Как исчезли «умеренные республиканцы» и кто пришел им на смену

Джеффри Кабасёрвис – преподаватель Йельского университета, консультант “Main Street Partnership” (группы конгрессменов, объединяющей так называемых умеренных республиканцев и республиканцев-центристов в Палате представителей) – получил огромную известность в читательской аудитории США как автор исторического бестселлера «Управлять и разрушать: исчезновение умеренности и разрушение Республиканской партии, от Эйзенхауэра до Партии чаепития»[1]. Книга вышла в период президентской кампании, в которой бывшему губернатору штата Массачусетс Митту Ромни, баллотировавшемуся от Республиканской партии, противостоял действующий президент Барак Обама. Кабасёрвис, очевидно, хотел внести свою лепту в успех Ромни и посвятил значительную часть книги его отцу – Джорджу Ромни, губернатору штата Мичиган, одному из последних лидеров умеренного республиканизма.

Основная идея книги Кабасёрвиса состоит в том, что переживающий ныне полный упадок умеренный республиканизм долгое время являлся важным и даже доминирующим течением внутри Республиканской партии. Родоначальником этого течения ученый признает президента США Дуайта Эйзенхауэра, который, прорвавшись вместе с республиканцами к власти в 1952 году, после двадцатидвухлетнего пребывания демократов в Белом доме, предпочел оставаться верным Новому курсу Франклина Рузвельта, а не возвращаться к свободному рынку по образцу 1920-х годов. Эйзенхауэр назвал себя «современным республиканцем», и многим казалось, что именно это течение станет доминирующим в партии. Однако ситуация коренным образом поменялась в 1960-х годах, когда на первый план вышли вопросы гражданских прав и борьбы против сегрегации. Хотя борьбу за гражданские права возглавили демократы, тем не менее, как пишет Кабасёрвис, внутри Республиканской партии существовало довольно серьезное прогрессистское крыло: его возглавлял никто иной, как Нельсон Рокфеллер, представитель могущественного экономического клана, будущий вице-президент, – людей этого направления оппоненты звали «рокфеллерианскими республиканцами». Однако личные качества, которые очень невыгодно оценивает автор книги, не позволили Рокфеллеру стать вождем всей партии – и в 1964 году кандидатом от республиканцев стал ультраконсерватор, сенатор от штата Аризона Барри Голдуотер, ярый антикоммунист и противник политики десегрегации. Голдуотер проиграл выборы Линдону Джонсону, но с этого времени консервативное крыло с опорой на южные штаты Америки все более усиливалось внутри Республиканской партии, до тех пор, пока в эпоху младшего Буша оно окончательно не вытеснило «умеренных» на периферию партийной жизни.

[1] *Kabaservice G.* Rule and Ruin: The Downfall of Moderation and the Destruction of the Republican Party, from Eisenhower to the Tea Party. N.Y.: Oxford University Press, 2012.

Консерваторы, конечно, отчаялись бороться с гражданским равноправием, они стали сражаться с равенством социально-экономическим, с объемом полномочий государства по устранению наиболее вопиющих форм материального неравенства. В этом отношении консерваторам многое удалось. «Умеренные» были горячо преданы своей партии и не готовы ее раскалывать для того, чтобы вытеснить консервативных радикалов, тогда как для последних идеологическая чистота значила гораздо больше, чем партийный успех.

Как это часто бывает, радикалы одержали верх над «умеренными», и в их превосходстве мы могли ясно убедиться летом-осенью 2015 года, когда в Палате представителей умеренного республиканца Джона Бейнера в кресле спикера вытеснил молодой консервативный политик и экономист Пол Райан, недавний кандидат в вице-президенты. В своем интервью «Тетрадям по консерватизму» Кабасёрвис предлагает фактически отказаться от термина «умеренный республиканец» как устаревшего, и к людям его убеждений, ведущим арьергардные бои против наступления консервативных радикалов из Партии Чаепития, прилагать термины «республиканец-управленец» или «республиканец-прагматик». Можно, однако, опасаться, что и в этом случае те, кто делают ставку не на «прагматику», а на непоколебимые «ценности», получат преимущество. Во всяком случае, республиканские праймериз пока в этом отношении не внушают оптимизма: все кандидаты демонстрируют свою несгибаемую правизну.

* * *

Господин Кабасёрвис, вы – автор недавно вышедшего исследования, посвященного эволюции Республиканской партии от прежней умеренности к нынешнему состоянию, характеризующемуся усилением консервативного крыла. Как вы можете охарактеризовать это нынешнее состояние? Какие силы сейчас доминируют в партии слона?

Постараюсь по возможности кратко ответить на этот непростой вопрос и для начала скажу, что партия, конечно, сдвинулась вправо, как, впрочем, и сами американцы. Однако даже если умеренные республиканцы сегодня не очень заметны, внутри партии есть «крыло прагматиков» и их присутствие существенно сказывается на тех законах, что принимает новый Конгресс. Конечно, есть определенная прослойка республиканцев, представленных группой “Freedom Caucus”, которая находится на самом краю правого крыла политического спектра[1]. Это люди, которые самыми разными способами мешают Республиканской партии участвовать в управлении страной. И данный фактор – главный вызов для партии сегодня.

Когда я писал свою книгу, то, конечно, не знал, как будут развиваться события, а случилось, что партия очень хорошо выступила на последних выборах – как на промежуточных выборах в Конгресс 2014 года, так и на выборах в штатах и на местных выборах. Единственное, чего партии не удалось, – это выиграть выборы президента. И за это нужно отчасти винить процесс выдвижения кандидатов. Кандидаты должны пройти через праймериз, не свалившись в крайне правую риторику, потому что большинство американцев находятся в центре, а не располагаются по краям. Однако люди, которые голосуют на праймериз, как правило, придерживаются крайне правых взглядов. Получается, что система симпатизирует крайне правым кандидатам, которые потом не способны выиграть национальные выборы.

Если умеренные республиканцы по-прежнему являются влиятельной группой, то просто они не так заметны?

[1] Группа в Конгрессе США, объединяющая консервативно настроенных республиканцев. – *Примеч. ред.*

Начнем с того, что сегодня никто не употребляет выражение «умеренные республиканцы». Это связано с тем, что такое выражение стало обозначать в СМИ исключительно республиканцев, поддерживающих право на аборт. Сегодня таких республиканцев почти нет, однако политически умеренные люди есть. Таким образом, по-прежнему есть республиканцы, готовые работать с демократами, желающие участвовать в управлении страной, но они не называют себя умеренными.

Как же тогда они себя называют?

Они называются «республиканцы-управленцы» или «республиканцы-прагматики»[1]. Сами они предпочитают первый вариант.

Республиканцы-управленцы – каких взглядов они придерживаются в отношении основных вопросов внутренней и внешней политики?

Республиканцы-управленцы придерживаются консервативных взглядов по большинству вопросов. Они видят себя последователями Рональда Рейгана, что предполагает наличие консервативных взглядов на вопросы налогов. По ряду социальных вопросов они придерживаются мантры «живи и дай жить другим» – как я уже сказал, почти никто в партии не поддерживает аборты. В отношении внешней политики, я бы сказал, что есть небольшое количество либертарианцев, очень немногие поддерживают взгляды Рэнда Пола, который во многом является изоляционистом. Большинство республиканцев-управленцев поддерживают расходы на оборону, они выступают за то, что США должны играть роль на международной арене, но это не значит, что все они являются «интервенционистами».

Интервенционисты есть, но можно сказать, что большинство республиканцев-управленцев являются реалистами. Основные отличия внутри Республиканской партии проходят вдоль линии «изоляционисты против интернационалистов», а также вдоль линии «реалисты против неоконсерваторов». Я бы сказал, что республиканцы-управленцы являются интернационалистами и реалистами.

Как бы вы прокомментировали внешнеполитические взгляды сторонников Движения Чаепития, которые колеблются в диапазоне между интервенционизмом и изоляционизмом?

Внутри Движения Чаепития очень много самых разных людей, поэтому очень сложно обобщать. У этой организации нет центральной структуры, нет общей повестки, поэтому совершенно нормально, что внутри можно встретить самые разные взгляды на внешнюю политику. У них нет своего Папы, который обозначил бы основные религиозные догмы. Некоторые сторонники Партии Чаепития являются либертарианцами, но это очень небольшой процент. Большая часть движения придерживаются популистских консервативных взглядов и выступают против нынешнего политического истеблишмента. Мне кажется, что часть людей, придерживающихся популистских взглядов, сегодня поддерживают Дональда Трампа, который меняет свои взгляды в зависимости от темы. Так, будучи противником войны в Ираке, он продвигает совсем иные идеи в отношении ИГИЛ, поддерживая участие США в борьбе с этой террористической организацией.

Политик, который наиболее близко озвучивает мнение большинства членов Движения Чаепития, – это Тед Круз. Круз выступает с критикой политики Обамы в отношении ИГИЛ, то есть я бы назвал его интервенционистом, но не уверен, что он в то же время попадает под определение «неоконсерватор». Потому что все-таки идеологически это не совсем одно и то же.

Кого бы вы назвали образцовым республиканцем-управленцем?

[1] Governing Republicans или Pragmatic Republicans. – *Примеч. ред.*

Если речь идет о кандидатах в президенты, то, пожалуй, из числа интервенционистов я назвал бы Линдси Грэма, который занимает очень жесткую позицию по ИГИЛ. Не думаю, что у него есть большие шансы выиграть номинацию и стать президентом, однако сенатор Грэм поддерживает расходы на оборону, он очень похож на Джона МакКейна. Он к тому же считает, что США должны сотрудничать со своими союзниками в Европе, а также с Россией в борьбе против ИГИЛ.

Вы сказали, что термин «умеренные республиканцы» больше не используется. А выражение «рокфеллерианские республиканцы»?

Нет, ни в коем случае. «Республиканцы-управленцы» изо всех сил стараются избегать такой характеристики. Нельсон Рокфеллер был представителем прогрессивного крыла Республиканской партии, но сегодня в партии прогрессивных политиков нет вообще. Эти люди либо перешли в Демократическую партию, либо стали независимыми. Наследие Рокфеллера можно обнаружить в том, что продвигают и что делают республиканцы, представляющие крупные северо-восточные городские округа, как, например, Майкл Блумберг. Однако сегодня в партии считают, что Рокфеллер занимал слишком вялую позицию в отношении налогов и уделял недостаточно внимания проблемам преступности. Именно поэтому никто в партии не хочет, чтобы его или ее отождествляли с именем Нельсона Рокфеллера.

А что вы скажете по поводу выражения «республиканцы по имени только»?[1] Используется ли этот негативный термин сегодня?

О да, постоянно! Многие законы, принятые Конгрессом в последнее время, были сложными. Например, меры по поднятию потолка долга, которые были приняты при поддержке республиканского меньшинства. Любой республиканец, проголосовавший вместе с демократами и предпочитающий избежать правительственного коллапса, был и будет назван впоследствии «республиканцем только по имени». Под такое определение автоматически подпадали лидеры партии в Конгрессе: прежний спикер Палаты представителей Джон Бейнер и лидер большинства Сената Митч Макконнелл. Их постоянно называли «республиканцы только по имени». Это, конечно, смешно, что людей, которые возглавляют Республиканскую партию, постоянно называют ненастоящими республиканцами. Однако надо понимать, что консерваторы не относятся лояльно к Республиканской партии как таковой, они преданы только консервативному движению. Но если честно, я считаю, что выражение «республиканец только по имени» потихоньку изживает себя.

Кто, на ваш взгляд, представляет республиканцев-управленцев на этих выборах?

Сложно сказать. У меня нет впечатления, что Джебу Бушу удалось получить поддержку большинства республиканцев-управленцев, потому что последние воспринимают его как не самого удачного кандидата. Марко Рубио постепенно пытается представить себя в качестве политика, способного преодолеть различия между республиканцами-управленцами и более консервативными членами партии. В Палате представителей Конгресса есть три основные группы. Наиболее крайние взгляды представляет “Freedom Caucus”, эта группа выступает против администрации. Посередине находится “Republican Study Committee”, куда входят консервативно-настроенные республиканцы, но они не определились, что для них важнее: чтобы партия была у власти или чтобы партия твердо стояла на своей идеологии, и они опасаются дальнейшего сдвига вправо. И, наконец, на самом левом фланге находятся «республиканцы-управленцы», представленные различными фракциями вроде “Main Street Partnership”, где я работаю консуль-

[1] “Republicans in the name only”. – *Примеч. ред.*

тантом, и “The Tuesday Group”. Люди, которые входят в эти группы, могут считаться консерваторами, их очень странно было бы называть умеренными и уж тем более прогрессивными республиканцами, но они стремятся показать, что Республиканская партия может управлять страной и делать это ответственно. Они также понимают, что нельзя останавливать работу государства и что США не могут обанкротиться, для чего необходимо поднимать потолок долга.

Политики, входящие в две последние группы, определились ли они со своими политическими предпочтениями в отношении кандидатов в президенты?

Нет, пока что нет. Думаю, в настоящий момент консенсуса нет.

В чем причины победы консервативных сил внутри Республиканской партии?

Я не совсем согласен с постановкой вопроса. Как правило, умеренные кандидаты от партии побеждают представителей от Движения Чаепития в рамках праймериз. Бывает и такое, что человек побеждает с билетом от Движения Чаепития, приезжает в Вашингтон, видит, как все работает, и превращается в республиканца-управленца, потому что понимает, что если все время занимать идеологические позиции, то проблемы страны будут оставаться нерешенными. Однако у консервативного движения очень громкий голос, его представители доминируют в блогосфере и в СМИ, например, через “Fox News”. У других групп внутри партии нет, например, такой мощной платформы. Но я не думаю, что они доминируют в Конгрессе. Из 247 республиканцев в Палате представителей только 38 республиканцев входят во “Freedom Caucus”. То есть на самом деле это меньшинство.

Однако остальным республиканцам очень сложно занимать позиции, которые немного левее позиций крайне правых республиканцев. В Палате представителей почти нет конкуренции за места, республиканцы, как правило, конкурируют с демократами, а не со своими однопартийцами. Если такое происходит, то появляется партийный конкурент, и почти всегда это конкурент с крайне правого фланга. Из-за этого политики не хотят давать шанс потенциальным конкурентам и стараются избегать более левых позиций, потому что это неизбежно приведет к появлению конкурента от Партии Чаепития. Так что вот таким необычным способом меньшинство контролирует большинство.

И не стоит забывать, что крайним правым удалось избавиться от Джона Бейнера, спикера Палаты представителей, а также наложить ряд ограничений на следующего спикера, Пола Райана, который был избран в конце октября. Если Пол Райан применит правило Хастерта[1], то Республиканской партии будет очень сложно проводить законы и эффективно сотрудничать с демократами. То есть у крайне правых однозначно есть каналы влияния, но я бы не сказал, что они являются триумфаторами.

Консерваторы времен Рональда Рейгана и консерваторы Движения Чаепития – в чем отличие?

Если обратиться к истории, то становится понятно, что Рональд Рейган был весьма гибким политиком и, может быть, даже не совсем таким, каким мы его помним сегодня. Например, он несколько раз поднимал налоги, когда считал это необходимым. Он придерживался совсем нетипичных позиций по ряду тем. Так, будучи губернатором Калифорнии, он принял там один из наиболее либеральных законов, разрешающий аборты. Его волновали вопросы окружающей среды. Большинство этих тем – стопроцентно анафема для современных консерваторов.

Люди из правящего крыла республиканской партии, республиканцы-

[1] Правило, используемое Республиканской партией, которое подразумевает, что закон будет вынесен на голосование, только если его поддерживает большинство членов партии, имеющей большинство в Палате представителей, то есть большинство республиканцев. – *Примеч. ред.*

управленцы, обращаются к Рейгану как к примеру того, что консерватизм может быть популярным. Рейган был популярным, потому что пытался найти связь с людьми, которые обычно не придерживаются консервативных взглядов – что привело к появлению «рейгановских демократов». Консерватизм Рейгана был тоже популярен в обществе, потому что Рейган был оптимистичен, а не пессимистичен в отношении США и будущего страны, он транслировал образ силы, но эта сила не была безрассудной. Именно это объясняет его самое главное достижение: окончание холодной войны через переговоры с Михаилом Горбачевым. Как вы понимаете, политик такого образца сильно отличается от консерваторов Движения Чаепития.

Можно ли объяснить кризис умеренного республиканизма вопросами финансирования?

В стране в целом идет сильный процесс поляризации. Две основные партии раньше пересекались по многим вопросам. Так, у демократов было свое консервативное крыло, в то время как у республиканцев были свои умеренные и прогрессивные республиканцы. Сегодня такого пересечения почти нет.

У республиканского консервативного движения и у демократического левого крыла очень сильные инфраструктуры. Это очень громкие группы, которые постоянно привлекают к себе внимание. Благодаря джерримендерингу политических округов люди сегодня политически сосуществуют рядом с теми людьми, у которых такие же политические взгляды. Американцы сегодня читают новости, с которыми согласны, общаются с теми людьми, с которыми согласны, и почти не сталкиваются с людьми или новостями, которые представляют другую точку зрения. Это очень опасно, и это объясняет, почему на умеренных кандидатов оказывается такое давление. Компромисс сегодня неприемлем. Однако большинство американцев в настоящее время идеологически находятся где-то посередине, их гораздо больше интересуют решения конкретных проблем, нежели идеологические споры, и они хотят, чтобы две основные партии друг с другом работали. Поэтому я надеюсь, что умеренный республиканизм еще вернется в нашу жизнь.

Можете ли вы спрогнозировать дальнейшую эволюцию политического развития Республиканской партии?

В каком-то плане сейчас у Республиканской партии «золотая эра». Почти весь XX век партия была меньшинством в Конгрессе. Сейчас же у республиканцев существенное большинство в Палате представителей, партия контролирует и Сенат. Нельзя сказать, что у партии дела идут плохо. Но хаос, который провоцирует крайний правый фланг, приведший к отставке Джона Бейнера и спровоцировавший прочие аналогичные кризисы, сильно бьет по имиджу партии в контексте президентских выборов. Внутри партии идут постоянные споры, а антигосударственные настроения привели к выдвижению на праймериз кандидатур Бена Карсона, Дональда Трампа и даже Теда Круза. Я бы сказал, что Республиканская партия очень сильна, сильна как никогда за последние тридцать лет, но у нее большие проблемы с победой на президентских выборах. И сегодня люди боятся, что победа будет просто невозможна, если партия не найдет способов достучаться до людей из тех демографических групп, которые не особенно ее поддерживают. Это представители меньшинств, женщины, молодежь, профессионалы – все эти группы очень плохо голосуют за республиканцев. Партийные стратеги в курсе этих проблем. В краткосрочной перспективе у партии вроде все хорошо, но если партия не выиграет выборы в 2016 году, то начнутся серьезные внутренние процессы в плане переоценки идеологии и стратегии.

Беседовала Ульяна Рыбина